

I. “ОПЯТЬ ПРО ЕВРЕЕВ?”

Ну, Гитлер терпеть не мог евреев и вывез их в Германию. Тогда их, типа, загнали в ямы и пустили газ. Вот их больше и нет.

Мой друг Дайнюкас, 15 лет

Как все начиналось

Я — типичная обычная литовка. Всю жизнь жила, зная о Холокосте столько, сколько знает большинство из нас, типичных обычных. Может, побольше, чем Дайнюкас, чьими словами я начинаю эту главу, но ненамного. Я — типичный продукт лжи советской власти и молчания свободной Литвы. *Homo sovieticus lituanus*.

Когда-то, работая в газете, я узнала, какая новость для читателя самая неинтересная. Самый неинтересный заголовок выглядел бы так: “Небольшое землетрясение в Чили. Погибших немного”. Все признаки скучной новости: далеко, случилось с чужими, жертв немного.

Разве не так же обстоит дело и с гибелью евреев? Было давно, случилось с чужими, а жертв, может, и много, но что мы о них знаем? Шесть миллионов погибших в мире, двести тысяч в Литве — это всего лишь статистика, много нолей, а ноли ничего не говорят ни нашему сердцу, ни уму. Как

там у Сталина сказано? “Смерть одного человека — трагедия, смерть миллионов — статистика”.

Пятнадцать лет назад — в то время я была директором фестиваля LIFE — в моей жизни произошло событие вроде бы и незначительное, но оно меня довольно сильно встряхнуло. От сталинской статистики и литовского равнодушия я сделала один шагок в сторону человечности. Всего один, никто потом его не поддержал, и тема Холокоста меня, как и других, больше не занимала.

В 1998 году я написала первый в своей жизни текст о евреях, его напечатал еженедельник *Ekstra žinios*.

Вот он.

ОПАСНОСТЬ ИНФЕКЦИИ В ЛИТВЕ СОХРАНЯЕТСЯ

“Может, съездим в Понары?” — спрашивает меня гость, французский художник Кристоф Бертонно (всемирно известный пиротехник, чье огненное шоу на открытии фестиваля LIFE собрало сто тысяч зрителей). Двенадцать километров от Вильнюса, место гибели евреев, сто тысяч погибших (по сведениям из путеводителя *Vilnius in your pocket*). Хорошо, отвечаю я, но так его туда и не везу. Дороги не знаю. На другой день уклоняюсь от прогулки по Вильнюсскому гетто. Не знаю, где проходят его границы. Еврейское кладбище в парке Калну? А разве у нас, литовцев, нет своих трагедий и мемориалов, почему он про них не спрашивает? А может — переглядываемся мы, небольшая группа, — он вовсе не француз, может, он и сам еврей?

Нет, он просто западный человек, умеющий читать.

Наше поколение воспитано в здоровом советском духе. О еврейской Катастрофе, о еврейской истории мы не знали ничего, зато знали много отличных анекдотов про евреев

и умели их, затаившихся евреев, мгновенно распознавать. Наших детей мы воспитываем тоже в здоровом — то есть литовском — духе. Трагедия литовского народа — величайшая трагедия, его страдания — вот что главное, потому что это — наше. Массовому истреблению евреев в 1941 году посвящена коротенькая глава в учебнике для пятого класса. И довольно с них — они ведь даже по-литовски не говорили.

У меня есть культурные знакомые — им известно больше. В их глазах разгорается священный огонь ненависти, стоит только произнести слово “еврей”. Знаменитые актеры Молодежного театра, вынужденные играть в спектакле с еврейскими мотивами, все же не смогли заставить себя пойти в музей Модильяни в Париже, потому что у входа узнали, что... Знаменитый литовский путешественник и защитник вымирающих народов во время разговора неожиданно разбушевался: а, эти, да они правят миром, да я их... И как же наши интеллигенты намучились в поисках свежих впечатлений — даже в кино не пойдешь, там Чаплин, Хоффман и Спилберг. На воротах Вильнюсского гетто было написано: “Осторожно: евреи. Опасность инфекции”.

Интересно, что в Литве за двадцать шесть лет независимости изменилось все, лишь в отношениях с евреями со времен статьи Томаса Венцловы “Евреи и литовцы”, написанной в 1978 году, не изменилось ничего. Только евреев не осталось — почти.

Во время крупнейшего в Европе истребления евреев были уничтожены девяносто пять процентов людей, до войны составлявших почти треть населения Вильнюса. Позже — огромная волна эмиграции. В Литве осталось три тысячи евреев. Кого будем обвинять, кого презирать через несколько десятилетий? Что, братья, дезинфицировать будем?

В Вильнюсе не жили ни мои предки, ни мои родители. Я здесь за несколько лет три раза переезжала — и все три

квартиры покупала у евреев, которые отсюда бежали. Покупала дешево. Я воспользовалась их паникой и построила на ней свое благосостояние. И кто из нас жид?

“Литовское правительство — не антисемитское”, — сказал в одной телепередаче писатель Григорий Канович. Нет, оно и правда не антисемитское. И на юбилей Гаона¹ денег дали, и президент Бразаускас в Израиле покаянную речь произнес, а вице-мэр Вильнюса согласился дать разрешение перенести еврейские могилы с территории Дворца спорта в более спокойное место, если это будет сделано не на городские средства.

Политики должны вести себя разумно, то есть так, чтобы избиратели их еще раз избрали. Как бы мы ни выглядели при этом со стороны. А выглядим мы вот как: ни одного военного преступника, участвовавшего в истреблении евреев, в Литве еще не судили, и потому Центр Симона Визенталя предлагает бойкотировать юбилейные торжества в честь Гаона. Семьсот тускуленских жертв² для Литвы значат больше, чем сто тысяч погибших в Панеряе, пишет *US News*.

В Вашингтоне была устроена выставка “Тайная история Каунасского гетто” — двести фотографий Джорджа Кадиса, он снимал через дырочку в пуговице пальто фотоаппаратом собственного изготовления. Кто заплатит за то, чтобы привезти эту выставку в Литву? Кто подтолкнет образовательный проект, посвященный Холокосту, издать тиражом

- 1 Элияху бен Шломо Залман (1720–1797), известен как Виленский Гаон — раввин, талмудист и общественный деятель, один из крупнейших духовных авторитетов ортодоксального еврейства. Слово “гаон” в переводе с иврита означает “гений”. (Прим. пер.)
- 2 В Тускуленском парке в 1944–1947 годах тайно хоронили заключенных. Большинство из них были осуждены по 58-й статье — “предательство родины”. Перед казнью их жестоко пытали, смертные приговоры приводила в исполнение специальная группа, составленная из сотрудников НКГБ — МГБ. Во время археологических раскопок в 1994–1996 гг. и в 2003 году были найдены останки 724 человек (Прим. пер.)

в 15 тысяч экземпляров “Дневник Анны Франк” и учебники еврейской истории, предназначенные для литовских школ? Кому нужны три тысячи слабеющих голосов?

А если посмотреть на это, не думая ни про избирателей, ни даже про общечеловеческие ценности, только с прагматической точки зрения: какая была бы польза для государства, если бы мы сделали больше, чем обязаны и чем от нас ждут, и, может, по-другому, чем желает большинство избирателей... Если бы перенесли останки евреев на городские средства. Ведь они правят миром, разве не так? И тысячи этих правящих родом из Литвы. Даже в ЮАР восемьдесят пять процентов евреев — литваки. Нет, ответит мне истинный литовец, образ Литвы мы будем создавать репродукциями Чюрлениса и удачными бросками баскетболистов. И подумает про себя: а может, и ты сама, так сказать, если уж поднимаешь этот вопрос?

Да. Мой прадед по материнской линии был рижский сапожник Серадзинский. (К сожалению, как я потом выяснила в архивах, он — поляк).

Моя родня — жертвы или нет?

Должна разочаровать подозрительных читателей — я обыкновенная литовка, у меня нет еврейской крови. И я не просто литовка, а улучшенная литовка, потому что отец моего отца Йонаса Ванагаса, старый Йонас Ванагас, — политзаключенный, осужденный за антисоветскую деятельность и полгода спустя насмерть замерзший в Карлаге. Вся его семья — ссыльные, отбывавшие ссылку в Красноярском крае. Я всегда гордилась дедом, который в Каварскасе спилил дерево, чтобы преградить путь отступающей Красной армии. И сорвал портрет Сталина со школьной стены. Соседи-литовцы, конечно, на него донесли, и он был арестован.

В Литовском особом архиве я прочитала секретное дело своего деда на 96 страницах, его показания и показания

соседа, арестованного Советами вместе с ним, протоколы допросов и очных ставок. Подвиг Йонаса Ванагаса несколько померк в моих глазах, когда я нашла в деле сведения о том, что в годы немецкой оккупации он входил в комиссию, которая составляла списки евреев. Он в убийствах евреев не участвовал, на их добро не зарился, поскольку был достаточно богат. Свидетели на допросах говорили, что все десять евреев из Каварскаса, включенные в список, были в августе 1941 года отправлены в Укмерге. Сосед Балис, которого арестовали и допрашивали вместе с моим дедом, конвоировал этих евреев к месту казни, а в награду за это получил еврейский дом и 4,5 гектара земли. Так записано в деле. Мой дед получил от немцев двух советских военнопленных — работать на его участке. Вот такая небольшая полуживая награда.

Я не просто литовка, я — литовка, пострадавшая при советской власти. В глухие годы зрелого социализма нам, четырем двоюродным сестрам, молодым барышням, хотелось наряжаться и слушать битлов, а у нас не было ни джинсов, ни пластинок. Но у нас в Америке была тетя, папина сестра, а у нее — несказанно добрый муж Антанас. Мы отправляли им письма, перечисляя в них все, чего нам хотелось. Тетя была очень занята, она работала зубным врачом, а ее муж все советские годы ящиками присылал нам джинсы, пластинки и даже пломбы для зубов. И писал нам чудесные теплые письма. Подписывался почему-то не “Антанас”, а “Антоселе”. Родители нам сказали, что Советы ищут дядю Антанаса, и потому ему лучше своего имени и фамилии нигде не упоминать (ведь письма из-за границы читала советская госбезопасность). Моя тетя была счастлива, ее муж был прекрасным и честным человеком, истинным офицером, полковником армии независимой Литвы, потом, при немцах, начальником полиции в Паневежисе.

Вот оно что. Теперь, когда все присланные Антоселе джинсы давно сносились, когда нет уже ни его, ни тети, ни советской власти, теперь, когда пишу эту книгу, я уже знаю, чем занималась в годы немецкой оккупации литовская полиция в Паневежисе и других городах и почему советская власть так старательно его искала. Не нашла. Антоселе умер во Флориде, на берегу океана, в красивом доме, окруженном садом, где растет огромное манговое дерево. В одном из литовских городков ему поставлен памятник. К сожалению, его имя упоминается и в составленном евреями знаменитом списке пяти тысяч литовских палачей.

Так кто я такая, Рута Ванагайте? Славный потомок славных литовских героев или представитель народа презренных убийц, истреблявших евреев, и моя родня запятнала себя преступлениями перед человечеством?

Но ведь у меня была и мама. Она родилась и выросла в Паневежисе, в большом красивом доме с квартирантами, где ее воспитывала не только строгая мама, но и снимавшая у них комнату тетя Циля, которая преподавала немецкий язык в женской гимназии. Циля была немецкой еврейкой. Она бежала в Литву от нацистов? Скорее всего, да. Маме было четырнадцать лет, когда началась война, в Литву вошли немцы, и Танте, как любовно звала ее мама, спешно бежала из Литвы. Куда? Никогда, никогда, как ни разыскивала ее мама по прежним адресам, так и не удалось найти ее следов. В какую яму вас бросили, Танте Циля, в какую печь?

Моя мама потеряла не только тетю Цилю. В Паневежисе, на улице Антанаса Сметоны, и сейчас стоит дом под номером 47, мамин дом. А рядом, в соседнем доме, жила интеллигентная еврейская семья с единственным ребенком. Ицик был на год младше мамы. Все детство они играли вдвоем в мамином саду. Потом настал 1941 год, началась немецкая оккупация, и однажды соседская семья исчезла. В тот день люди

видели, как из гетто гнали евреев, в тот день в лесу вблизи Паневежиса были расстреляны восемь тысяч евреев. Детей укладывали и расстреливали (или расстреливали и укладывали?) в отдельной яме. Там, совсем неглубоко, среди останков 1700 детей из Паневежиса, лежат и косточки Ицика.

Так кто же я? Может, тоже в каком-то смысле жертва, если моя мама во время Холокоста потеряла двух близких людей?

Я просто литовка, чьи деды и родители пережили и советскую, и нацистскую оккупацию. И я принимаю все трагедии своего народа, не разделяя их на свои и чужие, большие и меньшие. Принимаю вину и утраты своей родни, не обвиняя и не приукрашивая того, что было. Хочу понять, что произошло, почему это произошло и с ними, и со всем моим народом. С моими литовцами и моими евреями в моей Литве. Хочу, чтобы это поняли, знали и помнили мои дети.

Мои милые соотечественники, если никто из ваших родных ни в чем таком не участвовал и даже не знал никаких евреев, подумайте вот о какой статистике: за время войны было уничтожено больше двухсот тысяч литовских евреев. Это пятьдесят тысяч домов, а еще — магазины, синагоги, школы и библиотеки, аптеки и больницы... Немцы забирали еврейское золото, выдирали зубы. А сколько по всей Литве в домах убитых евреев осталось другого добра: шкафов, кроватей, часов, простыней и подушек, ботинок и блузок, — все это, разумеется, не ваши деды хватали и везли возами, когда вещи выбрасывали в окна или по дешевке продавали на площадях местечек. Конечно, не ваши деды, а деды других литовцев, похуже. Но, может, вы, хорошие литовцы, знаете, где теперь эти антикварные кровати убитых? Кто на них спит? Какие видит сны?